

по созданию духовного общества, как и его попытки государственного переустройства, потерпели крах.

Необходимо сказать, что Данилов продолжительное время сотрудничал в журнале «Духовный христианин». Он постоянно посещал собрания религиозно-философского общества и заседания отделения этнографии Русского географического общества, где выступал с научными докладами. Некоторые из них печатались в журнале «Живая старина», а его воспоминания о харьковских народовольцах и побеге из сибирской ссылки публиковались на страницах журнала «Былое» (1907, № 8, 10).

Накануне нового 1916 года Данилов тяжело заболел. От платного места в частной больнице он отказался, и его поместили в Марьинскую больницу, в палату для бедных. В своем предсмертном завещании основоположник религии-знания писал, чтобы над его телом не исполняли никаких обрядов, а само тело передали в Военно-медицинскую академию, чтобы «его телесная оболочка послужила для пользы знания»³⁷. 17 января 1916 года Виктор Александрович Данилов умер. Его смерть не осталась незамеченной. Некоторые столичные журналы и газеты поместили некрологи и статьи, посвященные его памяти. Заголовки статей говорили о неординарности личности умершего: «Современный Диоген», «Человек без шапки», «Обитатель Земного Шара».

Таким образом, основываясь на воспоминаниях В. А. Данилова и дневниковых записях Д. П. Маковицкого, имеются все основания утверждать, что встреча и беседа Л. Н. Толстого с В. А. Даниловым произошла в Ясной Поляне 3 декабря 1905 года, а не 29 января 1906 года, как утверждалось ранее толстовцами.

ДОМ ЗИНГЕРА

Борис Иванов. История Клуба-81. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. — 496 с.

В 1981 году Борис Иванович Иванов (1928–2015), писатель, издатель самиздатовского журнала «Часы», один из основателей Премии Андрея Белого (1978), а по совместительству то оператор котельной, то сторож, задумал невозможное: вывести из тени детей андеграунда, тех, кто печатался в тамиздате и самиздате. У этой благородной миссии был веский мотив: «Нонконформистов и „лишних людей“, пытающихся на свой страх и риск решать духовные, культурные и социальные проблемы, ждала социальная отверженность, политические преследования, ссылки, эмиграция». В апреле 1981 года Б. Иванов и его единомышленники (И. Адамацкий, Ю. Новиков, Б. Останин, А. Драгомощенко, Н. Подольский) начали переговоры с представителями КГБ и ССП об учреждении независимого творческого объединения неофициальных литераторов (впоследствии Клуб-81). Каждая из договаривающихся сторон хотела видеть культурное движение организованным. И у каждой была своя цель: для КГБ – «неофициальная культура – это хаос», который следовало взять под контроль, «неофициалам» нужна была возможность собираться, обмениваться мнениями, печататься. На протяжении всего времени деятельности клуба (1981–1988) Б. Иванов находился между молотом и наковальней. С одной стороны – неофициальная художественная среда: самолюбивая, эмоционально взрывная,

³⁷ Там же.

склонная к ультимативным заявлениям, болезненно реагирующая на любое, даже минутное умаление своей личной значимости. Кроме того, у некоторых была аллергия к пребыванию в организации любого толка. С другой — партийно-чиновничья бюрократия: кураторы от партийных органов, от КГБ, от Союза советских писателей. «Официал любое живое начинание способен довести до маразма... При общении с представителями власти меня не покидало чувство, что передо мной люди, которые живут и думают скрытыми подтекстами своих речей, в соответствии с нравами и интересами своей среды. Другой реальности они не знают и не признают». История клуба — это смесь драматических и комичных ситуаций, отношений внутриклубных и с многочисленными «надзирателями». Много документов: клубные уставы, отчеты правления, протоколы заседаний, месячные планы, выполненные в лучших традициях официоза обращения в разнообразные «инстанции», живые и непосредственные воспоминания участников клуба. Клуб проводил литературные чтения, конференции, симпозиумы и музыкальные концерты в помещении Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, а с середины 1982-го — в собственном помещении на улице Петра Лаврова (ныне Фурштатская ул., 5). Встречали гостей из Москвы и даже США. В 1987 году в клубе прошла 1-я Всероссийская конференция представителей независимых изданий Ленинграда, Москвы и Риги. Под эгидой клуба работали секции прозы, поэзии, критики, перевода, музыки (С. Курехин, Б. Гребенщиков), театральная студия Э. Горошевского. Важным результатом деятельности клуба стал выход литературного сборника «Круг» (Л., 1985) — первого официально изданного коллективного сборника авторов самиздата. Б. Иванов подробно рассказывает историю мытарств, связанную со сборником «Круг», что началась в 1982 году: за три с половиной года сборник прошел восьмикратное редактирование и цензурный досмотр, кочевал из Ленинграда в Москву и обратно, не раз подвергался запретам. И все-таки увидел свет, хотя и в значительно видоизмененном виде. Приводятся и внутренние, предвещающие санкцию на печать рецензии профессиональных литераторов, и отклики в печати на выход книги. На последнем этапе ответственным редактором «Круга» стал Борис Никольский, новый редактор журнала «Нева», он и завершил работу над сборником. В «Неве» же будет опубликована повесть Дышленко «Правила игры», со вступительной статьей куратора Клуба-81 Ю. Андреева. В «Неве» же в 1986 году увидят свет стихи клубных авторов В. Нестеровского, В. Ширали, В. Шалыта, неофициалов, чьи рукописи были заведомо не проходимы в других официальных изданиях. В конце 80-х годов Клуб-81 вышел за уставные рамки и стал прибежищем для десятка организаций и групп, а его члены — инициаторами и организаторами новых автономных образований, экологических, политических, религиозных, литературных. Его помещение на ул. Петра Лаврова использовалось для еженедельных собраний Координационного совета Ленинградского народного фронта, там же заседал и Комитет «Выборы-1989», в предвыборном списке которого был и Б. Никольский. Свое существование Клуб-81 заканчивает в 1988 году, фактически он переродился в общественно-политическую организацию, предвещие Ленинградского народного фронта, в клуб демократического движения Петербурга. «Мое убеждение: — пишет Б. Иванов, — Клуб прославился тем, что в его уставе было положение о следовании „традициям великой русской литературы“, и своей способностью в век трусости и пресмыкательства оказать поддержку неофициальному творческому человеку и привить ему некоторые общественные навыки. Клуб стал школой социальной активности, сопротивления деградации, угрозе которой был подвержен ненужный, одинокий со своим творчеством человек... В жестоко структурированном обществе выпасть из системы — выпасть в небытие.

Но, будучи частью системы, имеешь возможность генерировать новую общественную ткань».

Михайль Семенко и украинский панфутуризм. Манифесты. Мистификации.

Статьи. Лирика. Визиопэзия / Перевод с украинского Анны Белой; комментарий Анны Белой и Андрея Россомахина. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2016. – 416 с. Серия: Avant-garde.

Михайль Семенко (1892–1937) — поэт, культуртрегер, главный теоретик украинского авангарда, яркая фигура в украинской культурной жизни 1910–1920-х годов, создатель и вдохновитель первого авангардного объединения на Украине: «Кверо» (кверофутуризм — от латинских слов «искать» и «будущее»). Он считал, что искусство — это непрерывный процесс развития, а созданное им собственное направление, кверофутуризм — это прежде всего искусство поиска новых форм, новых выразительных средств, новой философии. М. Семенко играл ведущую роль в продвижении нового искусства на Украине, выступал не только как теоретик и идеолог, но и активный организатор. На смену кверофутуризму пришел панфутуризм с разными его модификациями, реализованными в творчестве объединений «Ударная группа поэтов-футуристов», «Аспанфут» (Ассоциация панфутуристов), «Коммункульт» (Коммунистическая культура), в журналах «Новая генерация» и «Семафор в будущее». Сложную эволюцию прошла и лирика поэта: от символизма — через импрессионизм и футуризм — до конструктивизма. Будущий лидер украинских футуристов М. Семенко родился на Полтавщине, там окончил реальное училище, а высшее образование отправился получать в Петербург, поступил в Психоневрологический институт им. Бехтерева, где проучился два года (1911–1913). Начинаящий поэт интересовался живописью, современной ему европейской и российской модернистской поэзией. Его первыми ориентирами были Уитмен, Верхарн, Елена Гуро, Игорь Северянин, Андрей Белый. В Петербурге он познакомился с лидерами российского футуризма и увлекся новым литературным течением, что и определило его дальнейший творческий путь. С первых выступлений и публикаций и до конца жизни М. Семенко эпатировал читателей и дразнил критиков. Уже самый первый манифест украинского футуризма, «Сам», выпущенный 21-летним поэтом в феврале 1914 года, получил скандальную известность. Если в 1912-м Хлебников, Маяковский, Бурлюк и Крученых «сбрасывали» с «парохода современности» Пушкина, Достоевского и Толстого, то М. Семенко объявил о ритуальном сожжении «Кобзаря», главной книги украинского классика Тараса Шевченко, текста для украинской культуры сакрального. «Дружище. Время превращает титана в никчемного лилипута, и место Шевченко в записках научных обществ. Пожив с вами, отстаешь на десятилетия. Я не принимаю такого искусства... Если б я не сказал тебе все, что думаю, то задохнулся бы в атмосфере вашего „исконного“ украинского искусства. Я желаю ему смерти. Такие вот твои юбилейные празднества. Это все, что осталось от Шевченко. Но я также не могу избежать этого празднования. Я жгу свой „Кобзарь“». «Михайль Семенко, — пишет Анна Белая, — один из наиболее ярких участников украинского литературного процесса 1920-х годов. Лирик с тонкими нюансами эмоций, он попытался синтезировать естественную для своего мироощущения импрессионистическую стихию с футуризмом. Индивидуалист и бунтарь, он едва ли не первый заговорил о выражении коллективного сознания в украинском искусстве советской эпохи. Интернационалист и коммунист, противник национальной стихии в литературе (что свой-

ственно футуризму)... Сорвиголова, который иногда позволял себе грубость и рукоприкладство... — и одновременно неутомимый организатор художественной жизни. Словом, отец украинского футуризма и ярчайший последователь этого направления вплоть до своего ареста в 1937 году. История украинского литературного футуризма началась в 1914 году, с выходом первого манифеста Михайля Семенко, и завершилась в 1930-м, когда большинство литературных организаций Украины было ликвидировано. Как бы не менялись исторические события этого бурного времени, национальный футуризм объединяла и цементировала воля только одного человека». Жизнь М. Семенко укладывается в запутанный романский сюжет, оборвалась она в роковом 1937-м — поэт был арестован и расстрелян как участник «контрреволюционной деятельности в Украинской фашистской организации». В книге впервые представлены и прокомментированы ключевые документы украинской ветви славянского футуризма, просуществовавшей с 1914-го до 1930 года, М. Семенко принадлежит более двадцати текстов манифестарного характера, включены также манифесты его соратников 1920—1930-х годов. Впервые в таком объеме публикуются на русском языке избранные переводы лирики Семенко. Стихи дерзкого футуриста неподдельно беззащитны, простодушны, искренны. Его поэзию отличают особый взгляд на мир, кажущаяся простота и мелодичность. «Результатом осуществленного им синтеза символистской, импрессионистской и футуристической поэтик стало парадоксальное сочетание инфантильности и динамизма, беззащитности и агрессивности, наивности и эксцентричности», — пишет другой составитель сборника, А. Россомахин. «Я покажу вам множество миров — // оригинальных и капризных. // И множество дорог — как бы даров — // кто хочет дух мой вызвать? // А мы подходим к финишу без сил. // Стихии победили мы с тобой. // Я двери отомкнул и отворил — // кто хочет погулять со мной?» («Приглашение», 1918, Киев). В книге приводятся и критические публикации, появившиеся при жизни поэта. Все тексты сопровождаются подробными комментариями. Впервые приводится полная библиография прижизненных изданий Семенко, вместе с обложками сорока его книг и альманахов. В издание включены факсимильные воспроизведения визуальных экспериментов Семенко и факсимиле его книги «Дерзания» (1914), содержащей и скандальный манифест «Сам». 150 иллюстраций позволяют ощутить атмосферу эпохи, а также изостиль ее ярчайшего представителя.

Ольга Елисеева. Радищев. М.: Молодая гвардия. 2015. — 344 с. 6 ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1527).

Не одно поколение наших сограждан в энные времена покидало школьную скамью с уверенностью, что Радищев — первый русский революционер, жертва самодержавия, а его «Путешествие из Петербурга в Москву», с которого чуть ли не начинался курс русской литературы в школе, — великое произведение (хотя и неудобочитаемое). По трафарету: широкий круг идей русского Просвещения, правдивое, исполненное сочувствия изображение жизни народа, резкое обличение самодержавия и крепостничества. Писатель и историк, специалист по екатерининской эпохе Ольга Елисеева традиционные представления опровергает, для нее Радищев — графоман трудной судьбы. Он хотел стать родоначальником нового литературного направления и шел на осознанный эксперимент: «Мучительностью и корявостью языка писатель старался передать материальную грубость мира, тяжесть окружающей его жизни, где нет места ничему легкому и простому... Изящество слога, легкий язык, „гладкопись“, как говорили в XVIII веке, — все это было

глубоко чуждо Радищеву. Его интересовали необычные, неудобные языковые формы, длиннейшие предложения и обороты. Он пожертвовал внятными разговорным и письменным русским ради создания особого стиля. Намеренная архаизация стала барьером для понимания текстов Радищева». Самым страшным для вернувшегося из ссылки Радищева, считает О. Елисеева, стало именно изменение языка: мода на выпренность, соединенную с грубостью, ушла, благодаря Карамзину язык очистился от старомодных слов и оборотов, в эстетическом противостоянии с Карамзиным, с новыми веяниями Радищев проиграл. В политической сфере Радищев претендовал на роль Марата. Не сложилось. В революционных призывах «бунтовщика хуже Пугачева» (плаха для «тиранов», кровь, миллионы жертв ради воплощения прогрессивных идей) Екатерина II узрела: он хочет для России того же, что происходит во Франции. И пишет О. Елисеева: «Если для писателя революция во Франции была рассветом новой эры, то для Екатерины II, напротив, — гибелью старинной и сложной цивилизации». Радищев был отправлен в ссылку в Сибирь. Спустя шесть лет, в 1796 году, Павел I разрешил Радищеву поселиться на родине в Немцове под строжайшим полицейским надзором. Полную свободу Радищев получил в марте 1801-го при Александре I. В последние годы своей жизни, привлеченный в Комиссию по составлению свода законов, он занимался разработкой проектов законодательных реформ и мечтал о славе главного правоведа. Но его юридические проекты оказались не востребованы императором: место главного правоведа страны было занято Сперанским. В книге в деталях подвергнут рассмотрению психологический и интеллектуальный портрет ее героя (или, скорее, антигероя). О. Елисеева доказывает, что на Радищева-писателя книги влияли больше, чем события окружающей жизни, и основой его теоретических построений стали прочитанные еще в годы юности, во время учебы в Лейпцигском университете сочинения французских просветителей. И в своем «Путешествии» он опирался не на реальную действительность, а на твердую веру в некую «русскую вечность»: деспотизм правительства, гнет крепостников, всевластие чиновников и нищета темного, забитого народа. Приведенные в книге свидетельства иностранных путешественников о жизни русского крестьянства сильно расходятся с описаниями Радищева: иностранцы дают картинки почти что идиллические. О. Елисеева рушит стену умолчания, окружившую Радищева в традиционной истории и филологии. Она высмеивает официально признанную во времена СССР концепцию художественного единства главного произведения Радищева, «вырастающего из идейного», и доказывает, что «Путешествие» эклектично: автор объединил под одной обложкой тексты разных лет. Она приводит оценки А. Пушкина, данные им в его статье «Александр Радищев» (1836 год), статью, которую так долго и старательно «не замечали». Обращает внимание на политические и экономические реалии, повлиявшие на реакцию Екатерины II: шведская и турецкая войны (шведы фактически стоят под Петербургом); два года засухи — Екатерина приняла решение закупить за границей зерно на 5 миллионов рублей для раздачи неимущим; Французская революция. В другой ситуации императрица не обратила бы внимание на писания Радищева. Но появление «Путешествия» оказалось на редкость «своевременным». «При знакомстве с судьбой „первого русского революционера“ не оставляет чувство, что Радищевым воспользовались более крупные, влиятельные лица. Кто они?» — задается вопросом автор. И почему оказывал покровительство революционно мыслящему писателю видный вельможа и царедворец А. Воронцов, ярый антагонист Потемкина? Эпоха, большая политика, интриги, крупные игроки на обширных геополитических полях щедро представлены на страницах книги, которая вызвала бурные дискуссии: спектр мнений — от восторженных до резко враждебных. Неприятие вызывает предложенная

О. Елисейвой трактовка, как и почему (кому выгодно) трагическая судьба Радищева превратилась в культурно исторический, весьма далекий от реальности миф. «Парадоксально, но на развитие русской общественной мысли огромное влияние оказал текст, которого практически никто не читал. Зато все слышали, что автор ругал существующий строй и был сослан в Сибирь. Перед нами главная загадка Радищева: как культурным архетипом становится не только литературно слабое произведение, но и хронически нечитаемое». Неприятие у ряда критиков вызывает и то, что к своему герою симпатии автор не испытывает. В одном из интервью О. Елисейва проясняет этот парадокс: «С именем Радищева связан один из самых жгучих для современности вопросов: а стоит ли звать Русь к топору? И если вы зовете, то готовы ли принять ответственность за миллионы жизней соотечественников, когда Русь все-таки откликнется и возьмется за топор? Радищев призывал к „экспорту революции“ из Парижа в Петербург. Надеялся на восстание в момент войны России со Швецией. Пусть читатели сами задумаются над вопросом, что такое хорошо и что такое плохо».

Уильям Аллен. История Украины. Южнорусские земли от первых киевских князей до Иосифа Сталина. Пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2016. — 415 с.

История южнорусских земель даже не от первых киевских князей, а уходящая корнями в VIII век до нашей эры, к временам греческой колонизации. И никаких укров. Уильям Аллен (1901—1973), британский ученый, дипломат и путешественник, не дожил до этого открытия. В его книге все традиционно: хазары, варяги, славяне и сменяющие друг друга кочевые народы. Подробно, по периодам: от Киевского государства до начала Второй мировой войны. Часто У. Аллен идет по малоизученным боковым дорогам истории. Много цитат из трудов историков украинских, российских, зарубежных. В примечаниях к главам — дополнительная информация по «острым» вопросам, характеристики ярких персонажей украинской истории. Актуальны его высказывания по «болезненным» вопросам современной Украины. Это и внушительные размеры миграции населения в суздальские земли в XII веке жителей южных земель, факт, который «странно» игнорировали украинские историки. И происхождение названия Малая Россия, восходящее к византийской традиции, но, пишет Аллен, название это «по какому-то странному непониманию почему-то кажется украинским националистическим авторам очень обидным, хотя оно ни в коем случае не уменьшает, а, скорее, увеличивает историческую значимость южнорусских земель». Проблема русского языка: именно на нем писались законодательные акты и указы правительства в Русско-Литовском государстве (1240—1569), на $\frac{9}{10}$ населенном русскими по крови; в 1917 году по-украински говорили только в правительственных учреждениях и на заседаниях Рады, этот официальный язык, привнесенный из Галиции, жители русской Украины понимали с трудом. История украинского национализма, что возник среди небольшой группы идеологов в XIX — начале XX века и пошел в рост при активном содействии советской власти, и — неизменно — при полном равнодушии населения к украинизации. Роковые повторы истории: казачья вольница Запорожской Сечи, «украинский хаос» времен гетманщины, метания гетманов между Польшей, Турцией, Швецией, разгул гайдамаков в 1730-е. И чехарда властей, грабежи и насилия в 1917—1918 годах, когда Украинская Рада убеждала союзников из Антанты, что, несмотря на еврейские погромы, Украинская народная республика — нормальное, истинно демократическое и не-

зависимое государство. Все перипетии истории насельников украинских земель автор рассматривает в тесной связи с бурными событиями в окружающем мире. В сфере его внимания отношения Украины с Литвой, Польшей, Австро-Венгрией, Скандинавскими странами, Османской империей, монгольскими ханствами в Крыму и, конечно, царской Россией. Он смотрит и шире, прослеживая историю взаимоотношений Восточной Европы с Европой Атлантической и Средиземноморской, уделяя особое внимание историческим миссиям, которые лежали на разных народах в разные времена. У У. Аллена есть свой ответ на вопрос, почему не состоялись как государства Литва, Речь Посполитая, Украина. Литовские князья стремились отвоевать русские земли и почти не предпринимали попыток создать единую государственную структуру. Индивидуализм и одержимость польской шляхты идеями свободы, ограниченной рамками только своего класса, вели к анархии и расколу. «Одной из причин, по которым существование более или менее самостоятельной Украины (*гетманской, 1654–1709*) оказалось невозможным, явилось отсутствие в ней правящего класса с закрепленными временем традициям и обычаями... По мнению Антоновича (*выдающийся украинский историк второй половины XIX века, горячий патриот Украины*), украинские гетманы, правившие после Хмельницкого, были либо беззастенчивыми демагогами, либо способными авантюристами; оба этих типа руководствовались в жизни личными интересами или выполняли волю тех, кто их подкупил. На фоне наивного мошенничества и неукротимых амбиций абсолютно некомпетентных украинских лидеров четко проявилось превосходство царских чиновников». Устояла Московия, «величайшее выражение степной (евразийской) мощи, где в характере ее правителей сплелись имперские традиции старой византийской цивилизации с военным гением азиатских кочевников». Аллен считает, что исторические процессы не зависят от воли человека и что значимым фактором в истории России и Украины является географический. Согласно его концепции меридионального развития, и киевское государство, и русское государство московских царей покоилось на реальном географическом единстве, обусловленном тем, что все реки России текут в меридиональном направлении, поэтому ее торговые пути проходили с севера на юг и обратно. «Единство севера и юга оказывалось в каком-то смысле более тесным, чем расовое или географическое единство; оно было жизненно необходимым». В результате монгольского нашествия меридиональный путь «из варяг в греки» прекратил свое существование. Древняя меридиональная линия, сокрушенная монголами в XIII веке, была восстановлена в 1654 году, когда царю Алексею Михайловичу вопреки его желанию пришлось заняться судьбой многочисленного православного народа, притесняемого польской знатью, и тем самым вступить в череду русско-польских войн, бросать вызов Османской империи. «Переяславский договор, — пишет Аллен, — имел огромное историческое значение. После воссоединения двух славянских народов, исповедовавших православие, Московия превратилась в Россию, и возродилась прежняя Русь — от Новгорода до Киева, от варяг до греков. Воссоединение русских земель — Украины и Великороссии — произошло в ходе естественного исторического процесса. А вовсе не в результате захватнической политики царей... никогда еще великое историческое событие не было столь незапланированным и не зависящим от воли людей. На поступки людей, которые сначала даже не поняли, какое огромное значение имели произошедшие в их жизни события, оказали влияние географические факторы и подсознательные желания широких народных масс». Титанические усилия возродить меридиональный путь из «варяг в греки» предпринял Петр I, более успешно их продолжили его преемники на российском троне. Историю Украины Аллен заканчивает 1939 годом, фразой: «Украинцев ждала судь-

ба народов, находившихся в России под властью коммунистов. И это будет общая судьба всех этих народов, поскольку речная сеть русской равнины представляет собой географическое и экономическое целое, из которого невозможно вычленить отдельные, политически независимые национальные единицы, да и делать это не имеет смысла».

Пьер-Шарль Левек. История народов, подвластных России.

Экспериментальный пер. с фр. канд. филол. наук Л. Ф. Сахибгареевой под ред. канд. ист. наук И. В. Кучумова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. — 480 с. — (Серия: Studiorum Slavicorum Orbis; вып. 11)

Пьер-Шарль Левек (1736–1812), французский историк, первоначально гравер, чьи статьи по философии привлекли внимание Дидро, и тот рекомендовал Левека Екатерине II. Левек был вызван в Санкт-Петербург и назначен преподавателем в Кадетский корпус. В 1773–1779 годах он жил в Санкт-Петербурге, преподавал в столичных учебных заведениях и одновременно работал над многотомной «Российской историей», через несколько лет опубликованной в Париже. До появления «Истории» Карамзина именно по Левеку учили историю своей страны все образованные россияне. В 1783 году вышла двухтомная «История народов, подвластных России». Левек не принимал участия в знаменитых академических экспедициях XVIII века по России, работал в кабинете, систематизируя и обобщая накопленные обширные материалы: дневники, путевые отчеты, работы исследователей и путешественников — российских, зарубежных, прижившихся в России выходцев из Западной Европы. Такой труд компилятивного характера — обычное дело для эпохи Просвещения, а проблема человек естественный (дикарь) и человек цивилизованный волновала лучшие умы того времени, свои теории выдвигали Вольтер, Монтескьё, Руссо, Дидро. Левек не считал жизнь «человека естественного» идиллической. «Острая нужда, — писал он на страницах ИНР, — постоянно испытываемая дикарем, приносит еще больше вреда, чем пресыщенность, а природа может действовать не только во благо, но и во вред». Кроме того, он находил, что цивилизация развращает сталкивающегося с ней дикаря: «ты стал терзаем жадностью, ревностью, самыми низменными помыслами; ожесточившись почти как мы, ты уже испытываешь наши страдания». К теориям о развитии человечества он подходил конструктивно. «Посему, чтобы лучше понять род людской, нужно сначала изучить его во младенчестве, то есть в состоянии дикости, когда зародились наши идеи, пороки, добродетели, безумства, ремесла и знания. Чем примитивнее народ, чем меньше он затронут прогрессом, который возможен только благодаря долговому саморазвитию и длительным связям с соседями, тем явственнее мы увидим, каким был человек в своем первородстве и как он стал цивилизованным. Где еще можно найти столь удобное место для изучения развития человеческого ума, как не на обширных просторах российских владений?.. В нашей книге мы подразделяем народы не по месту их обитания, или, лучше сказать, кочевания, и не по времени их открытия, а по степени умственного развития и по особенностям образа жизни». Левек, распределяя народы по уровню развития их экономики и культуры, от «дикости» к «цивилизации», начинает свое повествование с наций «неизвестных пород», жителей «недавно открытых и пока присутствующих только на самых новейших картах архипелагов, названия коих еще не всегда даже известны». А именно — с Камчатки, Курильских островов и их насель-

ников. Одна из частей носит название, современному человеку малопонятное: «Нации фенической породы», по убеждению Левека, породы, ведущей начало из Азии, одной из самых древних на севере и самой многочисленной из тех, что были покорены Россией. К ней он относит отяков, вятчей, вогулов, чувашу, черемисов, мордову, лапландцев. И феннов (финнов), народ, со времен Тацита известный как сарматы и савроматы, а название финны или фенны, считает Левек, навязали им германцы. К феническим народам относит он и латышей (леттонцев), и эстов (эстонцев), и ливонцев, давая им общую характеристику. «И как Курляндия и Ливонская земля были завоеваны рыцарями Тевтонского ордена, то все они сделались крепостными людьми чужеземного дворянства. В каком состоянии и теперь они находятся. Претерпеваемое ими от помещиков угнетение, также бедность, суровое воспитание сделали их довольно крепкими к снесению суровости воздуха, тягостных работ, недостатков и уничтожения. Кроме жизни и любви, ни к чему мирскому не пристрастны. Они нарочито упрямы, ленивы, неопрятны и к пьянству склонны; женский их пол не дурен; их мужья недостойны ими обладать». Не все характеристики народов лицеприятны, но Левек стремится быть объективным и исходя из имеющегося у него материала отмечать и недостатки, и особенности, и положительные качества народов, о которых он пишет. «Но хотя их (монголов) внешний облик ужасен, при общении с ними замечаешь открытость их взгляда, проникаешься к ним уважением, доверием, обращаешь внимание на их прямоту, незлобивость и внутреннее спокойствие». Рассказ о каждом из многочисленных народов строится по определенной схеме: начинается он с описания мест обитания данного народа, его происхождения, истории (если есть материал), затем сообщается о внешнем виде и нравах его представителей, о системе ведения хозяйства, о религии, обрядах (свадебном, родильном, погребальном) и обычаях. Будучи крупным антиковедом своего времени. Левек впервые сравнил религии народов Восточной России с античными. И пришел к выводу, что науки и искусство грекам «дали фракийские шаманы, являвшиеся, в свою очередь, учениками северных шаманов», а Орфей — человек с севера. Работа Левека о связях древнегреческих религиозных ритуалов с сибирскими шаманскими обрядами помещена в приложении. Левек — единственный, кто так широко и объемно, последовательно привлек материалы по России, его книга — одна из ранних и масштабных попыток собрать историко-этнографические и другие сведения о многочисленных племенах и народностях, проживавших на огромном пространстве и малоизвестных европейской публике. Он стремился показать не только российское многообразие, но и вписать его в активно разрабатывающуюся тогда научной мыслью Европы теорию всемирно-исторического процесса. «История народов, подвластных России» на русском языке издается впервые, настоящее издание — первый научный комментированный перевод на русский язык этого малоизвестного в отечественной историографии памятника культуры французского Просвещения.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

*Редакция благодарит за предоставленные книги
Санкт-Петербургский Дом книги (Дом Зингера)
(Санкт-Петербург, Невский пр., 28, т. 448-23-55, www.spbdk.ru)*